

Автор - Галина Ицкович, Нью-Йорк (США).

О старом инжире

Помнишь, мы работали рядом,
в унисон дышали казенной пылью.
Ты стоял за окном, грузный, вся шея в шрамах,
не особо прислушиваясь к нашим драмам.
Мы выбегали к тебе за утешенья милостью,

и ты утирал наши гневные сопли
колючей растопыренной трехпалой ладошкой:
от ее касаний глаза еще больше слезились.

Я всегда захожу поболтать,
если случится дело в его районе.
Я когда-то дышала с ним в унисон.
Затерялись в сумке ключи от ворот.
Припарковавшись украдкой в его дворе
(я потеряла на это право),
подхожу и похлопываю по коре -
неуместная фамиллярность, если подумать.
Старый инжир смущен
вниманием в мертвый сезон:
"Нет для тебя, моя девочка, нынче плодов".
Я обнимаю холодный ствол.
Спасибо, что ты был добр,
что ты жив.
В нашем мире меня иногда понимают люди,
но лучше всего понимал чужой инжир.

Женщина в песочных часах

Чем больше себя описываешь, тем дальше уходишь в тень,
тем гуще тебя заштриховывают мазки ее маскхалата,
а в кармане растет, потягивается комнатный Франкенштейн -
собственной несостоятельности пугающим артефактом.

Если с утра забрести на "блошку", где среди хлама порой
можно найти вещицу, достойную Аладдина,
заплатить, не торгуясь, за вырубленную топором
отметину на памяти, домой донести невредимой;
если вглядеться, прищурившись, то можно заметить, как,
зажатая на полке меж сахарницей и чашкой с опивками чайными,
в универсальном жесте, в отчаянии вскинутых рук
женщина за стеклом лоб о часы раскалывает.

Если вычертить карту: потери, петарды, вмятины, седина,
точечность губ соединить пунктиром,
то-то смогли б удивиться знакомые,
принимающие тени за знания другого или себя,
зоопарк за микромодель животного мира,
производное за искомое.

Поэты в кафе

Кафе - это место поэтов, местная мекка
(приходили, спешивались
экспаты и гринго).
Что они делали среди бряцанья и крика,
какие заказывали дринки?
Пишу я
"Пессоа"
или "Гинзберг"
или еще какое-то имя
и - бинго! -
все они здесь сидели
(где бы ни было это "здесь"),
на интерес играли
(карты? кости?),
уикенды напролет,
сезоны, недели.

Так складывается, что поэты сидят в кафе.
Создают атмосферу.
Ауто
да
фе
творчества.
Пестуют раны,
исследуют сферы,
объявляют бойкоты.
За каждым кафешантаном,
кафе-поэт-ашрамом -
урна для слов.
Если все измерять на вечности.
То они, разумеется,
правы.
O tempra na, o нравы.
Поля для потравы,
эти кафе.
(Вот за этим, справа,
в самом конце)-
(Нет, обычно он ждал, чтобы
вынесли столик,
предпочитал на тротуаре).
Предпочитал налегке.
Навеселе,
с тросточкой, в галифе, -
нет, в шутовском колпаке.
Приехала бы сюда - или туда,
в угол исписанных стен - вовремя,

слова бы отзвуки Роберта Лоуэлла,
убежала б в кафе
с Джорджией, Сильвией, Энн.
Что они там пили, что покуривали,
пряча в рукав
стиль, нрав?
Беспорядки собственного чердака -
в стихи нового толка?
Сколько
б я ни сидела,
не создала б.
Шрифты помогают осмыслить шрамы,
но не заживляют ни черта.

Нынче - другой этап,
когда поэты в чести,
имена чуть не на вывесках. -
Но ни единого гения не вывели
в инкубаторах новых кафе,
где вина чинно
отстаиваются в карафе,
а кредит - не форма оплаты.

Олег Евгеньевич Пирсеевич Пирсеевич

СП